

Я-ДОБРОВОЛЕЦ

ЭРИК ВАЛЛЕН

СС

«БЕРСЕРК» ГИТЛЕРА

Эрик Валлен

**Я – доброволец СС.
«Берсерк» Гитлера**

«Яуза»

2013

Валлен Э.

Я – доброволец СС. «Берсерк» Гитлера / Э. Валлен — «Яуза», 2013

«Ragnarök» («Гибель богов») – под таким заглавием мемуары Эрика Валлена увидели свет сразу после войны, а вскоре были переизданы уже как «Endkampf um Berlin» («Последние бои в Берлине») и под псевдонимом Викинг Йерк. Его судьбе и впрямь позавидовал бы любой из предков-берсерков, некогда наводивших ужас на всю Европу, – вступив в шведскую фашистскую партию Svensk Socialistisk Samling в 17 лет, Валлен добровольцем отправился на Зимнюю войну против СССР, а затем, дезертировав из армии нейтральной Швеции, воевал в Waffen-SS – в 5-й танковой дивизии СС «Викинг» и 11-й панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», с которой прошел от Хорватии до Курляндского «котла» и от Померании до Берлина, был тяжело ранен в последних боях, но бежал из советского плена. И умер он полвека спустя не в домашней постели, а на слете ветеранов-эсэсовцев – чем не пропуск в нацистскую Валгаллу?.. До самого конца этот гитлеровский «викинг» ни в чем не раскаялся и ничего не понял, оставшись заклятым врагом не только СССР, но и русского народа, а его патологическая русофобия и бешеная ненависть к «славянским недочеловекам» – лучшая вакцина от «коричневой чумы». Такие книги надо не запрещать, а прописывать всем доморощенным фашистам и отпетым либерастам – полюбуйтесь на звериный оскал европейских «освободителей от сталинского ига», задумайтесь, что было бы с Россией в случае их победы, осознайте, какого страшного врага разгромила и загнала обратно в кровавую Валгаллу наша Красная Армия!

© Валлен Э., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Синдром Полтавы	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эрик Валлен

Я – доброволец СС. «Берсерк» Гитлера

Синдром Полтавы (предисловие переводчика)

В мировой истории есть несколько сражений, чьи названия давно стали нарицательными. Ну найдите мне хоть одного генерала, который не мечтает о своих, персональных Каннах?! Разумеется, в качестве Ганнибала, а не Варрона. Но были сражения не столь знаменитые, зато сразу переворачивавшие мировую историю. Может, один из противников даже успевал спасти кое-что после этой битвы, но больше не представлял собой серьезной угрозы ни завтра, ни послезавтра, ни через сто лет. Вот проиграл Наполеон Ватерлоо – и покати́лась история целой Европы по столь милым сердцу всех российских правителей самодержавно-крепостническим рельсам. Про Французскую империю уже и вспоминать было неприлично. Но даже эти громкие победы или не менее громкие поражения далеко не всегда оставались в памяти народа. Ну была какая-то там «Битва шпор» при Куртре – и что до нее Жаку-Простаку где-нибудь в Лангедоке? Это графья и маркизы балуются, а нас сие не касается.

Зато в российской истории такая битва имеется. Она практически сразу оставила после себя поговорку «Погиб, как швед под Полтавой», жаль только, что егэшное поколение слишком креативно, чтобы ее знать. Да, 8 июля 1709 года под Полтавой произошло сражение, которое во многом предопределило судьбу России, сразу шагнувшей в ряды мировых держав. Одновременно это же сражение поставило жирный крест на потугах Швеции играть какую-то роль в европейской политике, а заодно предопределило судьбы многих народов Восточной Европы. Можно ли требовать большего от одной-единственной битвы, к тому же, признаемся честно, не самой масштабной?

Потери шведов в Полтавской баталии были очень тяжелыми, но все-таки более половины армии сумели спастись. Однако слишком тяжелым был полученный удар, поэтому вскоре под Переволочной остатки шведской армии капитулировали, не сделав ни единого выстрела. Нам будут говорить, что король Карл XII имел меньше сил, чем царь Петр, и вообще пренебрегал артиллерией. Ну так это проблемы Карла, которые лишь подчеркивают глупость попыток объявить его гениальным полководцем. И вообще, Швеция как военная сила умерла под Полтавой! Она превратилась в мелкое государство где-то на диком Севере, играющее роль разве что в судьбах белых медведей.

Нет, по инерции Швеция еще ухитрилась затеять целых три войны с Россией, но с самыми плачевными для себя результатами. Стоило ли так напрягаться, если за три войны шведская армия не сумела выиграть не то что ни одного сражения, но даже ни одной маленькой стычки?! Полным апофегеем этих, с позволения сказать, «войн» стали события 1744 года, когда Швеция, едва подписав мирный договор с Россией, буквально через неделю обратилась к ней же (!!!) с униженной просьбой о военной помощи против Дании. Все военные действия велись на территории Финляндии, которая в то время представляла собой нечто более дикое, чем современная сибирская тайга. В общем, все закончилось блистательным переходом русских войск через льды Ботнического залива в 1809 году, когда «властитель слабый и лукавый, плеши́вый щеголь, враг труда» мог одним росчерком пера поставить жирную точку в истории Швеции как суверенного королевства, превратив его в какое-нибудь полувассальное герцогство Седерманланд. Но не решился. А зря! Никто не мешал прибрать к рукам провинцию Норрботтен с богатейшими железными рудниками Кируны.

Впрочем, что мы все о делах давно минувших дней?! Ведь книга рассказывает о событиях Второй мировой войны. Дело в том, что Гитлер усиленно пытался превратить свой поход на Восток в крестовый поход всей Европы против мирового коммунизма и еврейства, но совершенно в этом не преуспел. Да, в составе германской армии действовали добровольческие подразделения, сформированные из граждан других стран, но численность их была слишком мала, чтобы играть серьезную роль в ходе военных действий. По самым завышенным оценкам, в составе Ваффен СС за годы войны побывали 360 000 иностранных добровольцев, не слишком много для шести лет войны. При этом большинство иностранных дивизий СС не отличались высокими боевыми качествами, хотя им давались громкие названия. Вот и эта книга рассказывает о приключениях шведа, воевавшего в составе 11-й добровольческой панцер-гренадерской дивизии СС «Нордланд», которая входила в состав III танкового корпуса СС. Между прочим, мало кто знает, что на самом деле это соединение именовалось III (Germanic) SS Panzer Corps. Вот как: 3-й германский танковый корпус СС. Заметьте, не Deutsche – немецкий, а именно Germanic – германский, название, символизирующее единство германских народов. В ее состав вошли 23-й («Норге») и 24-й («Данмарк») панцер-гренадерские полки СС. Вы спросите: а где же шведский полк? А нет его! Шведов заманить походом в Россию не удалось, видимо, на уровне генетической памяти уже полтора века сидело в них: «Не ходи на Русь! Там живет шведская смерть!» Не получилось сколотить нордическое боевое братство, 6000 норвежцев, 6000 датчан – вот и все. А шведы, воевавшие в СС, прекрасно известны поименно, потому что было их ровно 262 человека! Желающие могут без особого труда найти полный список этих добровольцев в Интернете. Между прочим, я пробежался по нему и сразу увидел фамилии героев этой книги.

Правда, и здесь все не слишком просто. Справедливости ради отметим, что во время Советско-финской войны на стороне финнов сражались 8402 шведа. Но, похоже, эта война тоже не добавила им оптимизма, потому что, когда в 1941 году военные действия вспыхнули снова, на помощь финнам отправились только 3273 шведа. Помочь финнам защищаться от «русского медведя» шведы еще кое-как соглашались, а ехать в Германию, чтобы участвовать в «крестовом походе», рискнули очень немногие. И вот здесь мы и сталкиваемся с автором этой книги Эриком Валленом.

Эрик Валлен родился 2 августа 1921 года в Стокгольме в добропорядочной шведской семье и вполне мог прожить свою жизнь спокойно и размеренно. Вообще, сытая и благополучная жизнь в Швеции не располагает к бурным приключениям, если только ты не Муми-тролль. Так случилось бы и с Эриком, если бы он в юности не вступил в Nordisk Ungdom – молодежную организацию шведской фашистской партии Svensk Socialistisk Samling. И вот с этого момента биография Эрика пошла бешеным зигзагом, о подробностях которого он предпочитает помалкивать. Впрочем, справедливости ради отметим, что вряд ли он был убежденным фашистом, какие, к черту, идеологические убеждения у 17-летнего сопляка?!

Скорее всего, только внешняя романтика войны и тяга к приключениям заставили его в 1939 году отправиться добровольцем в Финляндию, чтобы принять участие в так называемой Зимней войне. Эрик попал, наверное, на самый сложный участок фронта – в северную Финляндию. Казалось бы, холод, грязь и кровь отучат его искать романтику там, где она даже не ночевала, но нет. В 1941 году после вторичного нападения СССР на Финляндию Эрик опять отправляется повоевать, теперь он служит в батальоне «Ханко». В 1942 году он возвращается на родину и его призывают в шведскую армию, он попадает в зенитно-артиллерийский полк Lv 7, откуда в январе 1943 года дезертирует. При этом мягкие шведские законы совершенно не мешают ему выехать в Германию и записаться добровольцем в Ваффен СС.

Как ни странно, он отказывается принести личную клятву Адольфу Гитлеру, что было обязательно для эсэсовца, но его все-таки оставляют в 5-й танковой дивизии СС «Викинг»,

хотя довольно быстро переводят в 11-ю добровольческую панцер-гренадерскую дивизию СС «Нордланд». В составе этой дивизии он сражается в разных местах, и вот здесь начинаются неясности. В послужном списке упоминается Хорватия, но туда эсэсовцы в 1943 году могли попасть только в качестве карателей, а этим как-то не принято хвастаться среди правильных европейских фашистов. Потом он воюет в Прибалтике, в частности в Курляндском котле, Померании и Бранденбурге, в мае 1945 года сражается в Берлине. Там он получает тяжелое ранение и попадает в госпиталь, после чего начинается заключительная и не менее захватывающая часть его одиссеи.

Валлен каким-то чудом избавляется от эсэсовского мундира, который гарантировал ему практически верный расстрел, и бежит из госпиталя, хотя тот охраняется советскими солдатами. Он пробирается в шведскую дипломатическую миссию, несколько дней живет на конспиративной квартире (!), а потом вместе с товарищем отправляется пешком через половину Германии к британской зоне оккупации. Вы верите в это? Я – с большим трудом. Не проще ли предположить, что он был просто завербован советской разведкой, которая обеспечила переброску агента к месту будущей работы? Конечно, в Германии в то время царил страшный бардак, но не до такой же степени. Так или иначе, но Валлен через Бельгию и Данию возвращается на родину, где попадает на три месяца в тюрьму за дезертирство и кражу военного имущества (мундира). Опять эти мягкие шведские законы! После этого он пишет книгу, которая в декабре 1945 года выходит в Швеции под названием «Ragnarok» – «Гибель богов». В 1947 году книга была переиздана в Буэнос-Айресе под названием «Endkampf um Berlin» – «Последние бои в Берлине», причем под псевдонимом Викинг Йерк.

После войны Валлен много путешествовал, побывал в Марокко, Афганистане, где встречался с королем Закир-шахом. Во время путешествий Валлен успел пообщаться с известным советским писателем и пропагандистом Ильей Эренбургом. Законный вопрос: мирному, добropорядочному шведу такое надо? А вот советскому агенту – очень даже кстати.

Валлен скончался в 1997 году в Берлине на слете ветеранов дивизии СС «Нордланд» (и здесь ухитрился отличиться!), но похоронен в Стокгольме. Его могила расположена в 50 метрах от могилы его бывшего командира гауптштурмфюрера СС Ханса-Гесты Перссона, с которым вы еще встретитесь на страницах этой книги.

Несмотря на скромный объем, книга Эрика Валлена открывает нам много любопытных деталей, касающихся последних боев в Берлине в мае 1945 года. Прежде всего несколько неожиданно выясняется, что далеко не все было благополучно и на германской стороне линии фронта. Для меня стали форменным откровением признания Валлена, что им стреляли в спину, то есть Германия в эти последние дни была далеко не столь монолитной, как в период побед.

Еще один интересный психологический момент. Уже во второй книге, которую мне пришлось переводить, бывшие солдаты противника описывают тот ужас, который вселяли в них «Сталинские органы», или «Катюши». Это вам не советские агитки военных времен, а невольные признания злейших врагов Советского Союза и Красной Армии. И Леон Дегрелль, и Эрик Валлен признают, что они до судорог боялись «Катюш».

Я неспроста упомянул здесь Леона Дегрелля, которого с Валленом роднит патологическая звериная ненависть к русским. Собственно, и для Дегрелля, и для Валлена, и вообще для **всех** правильных европейских фашистов и эсэсовцев русский народ не существует. Нам опять рассказывают про диких косоглазых вонючих монголов, которые пришли порушить великую европейскую цивилизацию. А вот что делали эти цивилизаторы на Дону и Волге, авторы скромно умалчивают. В последнее время модным стало размахивать интервью, которые битые эсэсовцы давали спустя полвека после окончания войны, распинаясь, как они любят Россию и великий русский народ. Ну, еще бы, в 1990-х годах начнешь бормотать про «сла-

вянских недочеловеков», так, чего доброго, в приют для слабоумных попадешь. А вот книги, написанные сразу после капитуляции Германии, прекрасно показывают, что **действительно** думают о России и русских эти, с позволения сказать, герои. Почитайте, как Валлен искренне недоумевает, почему славянские рабочие, которых привезли в Германию и позволили работать на бла-ародных немецких господ, этих самых господ ненавидят и убивают.

Небольшая документальная вставка. Во время визита в шведское посольство в Берлине в октябре 1941 года два шведских добровольца СС сообщили, что солдаты дивизии СС «Викинг», значит, и они сами, обращаются с пленными крайне жестоко и убивают их. Шведский военный атташе записал: «Ваффен СС редко берут пленных. Если только они не сдаются группой большой численности – более роты, их расстреливают на месте. С пленными обращаются очень грубо, их подгоняют пинками и ударами. Женщин в форме убивают немедленно. Так поступают не только СС, но и Вермахт». (Westberg, Lennart, «Svenska frivilliga i tyska *Waffen SS* 1941–1945» in *Meddelande Armemuseum*.) Заметьте, это нейтральный свидетель, не питающий любви к Советскому Союзу и русским, как все шведские военные, но все-таки не доброволец СС.

Поэтому помните, какую участь готовили нам не только нехорошие гитлеровцы, но и чистенькие европейские фашисты! Помните, от чего нас избавила Красная Армия!

Глава 1

Сочельник, 1944–1945

Вместе с группой армий «Север», которая состояла из 16-й и 18-й армий, III танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера СС Феликса Штайнера был отрезан от остальных немецких войск и попал в Курляндский котел. Для окруженных войск особую важность представлял морской порт Либав. С середины октября 1944 года танковый корпус Штайнера, состоящий из 11-й («Нордланд») и 23-й («Нидерланден») панцер-гренадерских дивизий СС, удерживал линию фронта от Приекуле через Пурмсати и до Скоудас.

Основная линия обороны проходила вдоль железной дороги через развалины Пурмсати и деревеньку Бункас. По одну сторону путей стояли войска СС, по другую – Красная Армия. Бункас находился примерно в километре к северу от Пурмсати. В то время было очень холодно, до минус 30 градусов.

Мы сидели за грубо сколоченным столом в блиндаже и играли в карты, слушая по радио новогоднее обращение главнокомандующих видов войск и веселенькие рождественские песни. Мы, как могли, украсили наш бункер к Рождеству. У нас была елка, свежесрезанные еловые ветки и даже мишура, а еще маленькие сувениры, которые принесла перед Рождеством полевая почта. К Сочельнику в нашем временном подземном бункере царила почти домашняя атмосфера. Загрубелые, потрескавшиеся от мороза солдатские руки бережно и нежно собирали по кусочкам это новогоднее чудо, чтобы каждый мог насладиться духом Рождества. Мы все еще могли волноваться о таких мелочах в последние дни декабря.

В походной печке у нас было несколько котелков с дымящимся горячим *глоггом*, северной версией подогретого вина со специями. То один, то другой солдат подходил к печке и делал полный глоток из котелка, вычищенного до блеска по такому случаю. Мы с наслаждением курили специальные, рождественские сигареты, которых тогда у нас было в избытке. Их доставила каждому полевая почта, и с ними в пакетах были сладости и печенье. Игральные карты звучно шлепали по грубой поверхности стола, и тихое звучание рождественских песен по радио изредка прерывалось чьим-нибудь азартным комментарием об игре или храпом одного из товарищей, вернувшихся из дозора. Эти ребята спали, вырубившись прямо на полу, и это нормальный сон для солдат первой линии обороны.

Раздался громкий звон полевого телефона. Это был наш командир роты, который хотел поговорить со мной о корректировке запланированного на завтра обстрела. Наши минометы должны были обстрелять новую цель во вражеских позициях. Он приказал мне дойти до нашего наблюдательного пункта, расположенного ближе всех к позициям противника, за пределами Бункаса, и осмотреть территорию, по которой мои минометчики будут стрелять утром.

Один из моих друзей принял мои карты и сел за стол вместо меня, а я, обрядившись в белый камуфляжный костюм, забросил на плечо патронташ и пистолет-пулемет и нацепил на голову выкрашенный белым шлем. Уже на выходе я оглядел наш блиндаж, присосавшись к *глоггу* из своего котелка. Внезапно он показался мне таким уютным и удобным, несмотря даже на утоптаный земляной пол. В свете рождественских свечей по буро-черным земляным, слегка украшенным стенам плясали тени столпившихся у радио солдат. Я, зажав под мышкой свой верный и незаменимый «МР-40», кивнул игрокам за столом, а затем пинком открыл замерзшую, белую от снега дверь и вышел в ночь.

Луна выглядывала из-за посеребренного ее светом облака, и ее яркий мерцающий свет заливал все вокруг. Все линии казались бритвенно-острыми и были отчетливо видны в свете, отраженном от холодного сверкающего снега. Несколько деревьев, изрядно покалеченных

пулями и снарядами, с расколотыми стволами и перепутанным переплетением веток, напомнили мне гротескные фигуры персонажей сказок, вроде хобгоблинов или домовых.

Деревня – или маленький городок, как хотите, – тоже выглядела менее реальной, чем обычно: там, где раньше стояли дома, из груд щебня и покореженных балок поднимались только одинокие, почерневшие от огня печные трубы, уцелевшие после артиллерийского и минометного огня русской армии, едва прикрытые снегом. В укутанной снегом мертвой деревне то там, то тут на земле можно было рассмотреть чернеющие ямы – следы артобстрела. От артиллерийских снарядов на промерзшей земле остались черные пропаханные борозды, а вот мины калибра 120 мм оставляли после себя круглые дыры с черными обгорелыми следами вокруг.

Руины казались безжизненными. Но, зазвучи сигнал тревоги, предупреждающий о вражеской атаке, сразу можно было бы увидеть, как среди развалин мелькают группы людей, потому что в подвалах разрушенных домов прятались солдаты, готовые выбежать из своих укрытий, добраться до окопов и встретить большевиков смертоносным огнем.

Таким был канун Нового года 1944–1945 годов в Бункасе, крошечном «гнездышке» в Курляндии, чьи развалины подарили нам укрытие от легкой смерти на открытом пространстве вокруг деревни. Из-за этого деревня стала связующим звеном линии защиты курляндского плацдарма, которую солдаты называли ПКО – Последний край обороны в Курляндском котле. Полностью отрезанные от Германии, мы стояли там, готовые отразить любую, даже самую жестокую атаку с востока из Азии.

После трех с лишним лет борьбы на Восточном фронте и двух лет постоянного отступления наш боевой дух все еще не был сломлен. Мы выживали в самых тяжелых условиях. Каждый день мы сталкивались лицом к лицу со смертью и разрушением. Иногда простые солдаты были истощены физически и морально, но их боевой дух оставался несокрушимым. Наша вера держалась в основном на убежденности в том, что наше оружие превосходит вооружение врага и наши боевые навыки легко выдержат натиск неотесанных варваров с востока.

Да, каждый день мы слышали в сводках по радио, как американские и британские войска постоянно теснят наши армии на западе, как целые армады гигантских бомбардировщиков сбрасывают свой смертоносный груз на города Германии, уничтожая дома и людей. Но мы также знали, что самые важные промышленные предприятия Германии давно переведены под землю и неуязвимы для воздушных атак. Мы знали, что производство более совершенного оружия вскоре будет поставлено на поток и что немецкие войска на Западном фронте буквально несколько дней назад начали успешное наступление в Бельгии и Люксембурге. Скоро это ужасное давление превосходящих сил противника прекратится, нужно потерпеть только несколько месяцев.

А потом мы нанесем сокрушительный ответный удар, уничтожая все на своем пути, особенно здесь, в Курляндии. Здесь, на изолированном островке сопротивления, 11-я панцер-гренадерская дивизия «Нордланд» и остальные части имели очень важную задачу. Мы жестко и непоколебимо отбивали неистовые атаки Красной Армии и должны были подарить передышку нашим резервам, которые в то время собирали в Германии.

Я погасил свою слишком заметно светящуюся сигарету о дверь блиндажа, который занимали мои минометчики. Он находился всего в 300 метрах от линии фронта. Бункер командира роты, в свою очередь, располагался в подвале бывшей железнодорожной станции. Он сказал мне сначала зайти к нему, чтобы получить дальнейшие указания. На самом деле, идти туда было довольно далеко, но на протяжении всего пути я мог не бояться, так как был надежно укрыт от вражеских наблюдателей. Я перекинул патронташ на другое плечо, покрепче сжал свой автомат в руках и пошел, пнув походя закопченный труп замерзшей крысы с отвратительно торчащими под верхней губой зубами. О, в Бункасе было множество огромных крыс.

Множество ругательств слышали развалины Бункаса на шведском, немецком, датском и норвежском языках, а затем, наверное, на русском и монгольском. Я тоже ругался, пока добирался до бункера командира, спотыкаясь о промерзшие кирпичи. К счастью, мне не приходилось беспокоиться о русских снайперах, которых вообще-то в нашем секторе было многовато. Нам нужно было следить только за артиллерией и минометами. Однако они, наверное, тоже справляли Сочельник, и потому сейчас было тихо. На подгибающихся ногах я подошел к защитной стене, которая проходила метрах в двадцати от бункера командира роты. Пространство от стены до бункера отлично просматривалось со всех сторон, а недавно русским удалось отвоевать небольшой пригорок по ту сторону железнодорожной насыпи, с которого этот участок отлично простреливался. Крадучись и пригибаясь, я пробежал эти двадцать метров и успел скрыться за дверью бункера как раз в тот момент, как на пригорке застрекотал пулемет. С неприятным свистом пули ударялись о кирпичную кладку стены, рикошетом отлетая дальше, в развалины.

Доложив командиру роты, который играл в шахматы, я получил разрешение на небольшой отдых в приятном тепле бункера. Командиром был мой земляк, оберштурмфюрер СС Ханс-Геста Перссон, он же ГП. Строгая дисциплина и порядок даже в мирные часы на передовой, которых можно достигнуть только через настоящее товарищество между офицерами и подчиненными, помогали войскам СС сражаться. Не знаю, возможно ли это, но командиру в своем бункере удалось создать еще более уютную атмосферу, чем у нас, в бункере минометчиков. Надпись на стене гласила «Важнее золота домашний наш очаг», и странно было видеть упоминание о доме здесь, на дальнем Восточном фронте.

Не прерывая партию в шахматы, командир роты отдал мне приказ, который касался как раз того самого «беспокоящего» пулеметчика, которого нам нужно было уничтожить. Нашим минометчикам нужно было превратить этот пригорок в могилу для любого солдата Красной Армии, который посмеет туда прийти. Командир роты плеснул мне шнапса из бутылки «для согрева», как он сказал, и я вышел, чтобы лично все осмотреть. Глубокая траншея привела меня к двум солдатам, сидящим в своем окопе возле пулемета. Шла ожесточенная перестрелка, и я поинтересовался у ребят, что происходит.

– Да они просто палят в небо, вроде как салют к Сочельнику, а мы отвечаем.

К тому моменту эта сумасшедшая стрельба началась буквально по всему нашему сектору, везде, с обеих сторон, раздавались залпы орудий.

– Кажется, они там вконец упились, – сказал пулеметчик. – Слышите, как они дерутся там, у себя!

С другой стороны насыпи, всего в 50 метрах от нашего пулеметного гнезда, большевики расположили свои передовые позиции, обороняемые солдатами только по ночам. Иногда они подбирались к нашему охранению и швыряли в часовых ручными гранатами. Днем их окоп пустовал.

Некоторые доносящиеся оттуда сейчас звуки никак не подходили для обычной ночи на фронте. Кто-то играл на губной гармошке, и было слышно, как громко переговариваются остальные. Некоторое время спустя огонь с обеих сторон стал стихать и вскоре вообще прекратился. Даже громкие голоса большевиков стихли. В тишине и покое я смог продолжить свои наблюдения и вычисления для завтрашнего обстрела.

Такая погода была мне только на руку, потому что облака иногда проносились над линией фронта, скрывая меня своей тенью, пока я пробирался там, где обычно все было залито лунным светом. В часто обстреливаемой зоне сейчас было тихо, и тишина нарушалась только редким металлическим стуком оружия, случайно задевшего что-то, да тихим бормотанием со стороны врага. Даже привычного шума моторов машин и гула танков не было слышно. Лишь изредка в небо взмывала сигнальная ракета, и вспышка на мгновение озаряла пустынные развалины вокруг меня. О, этот Новый год на фронте!

Эта красота задержала меня после того, как я исполнил приказ командира. То ли из-за неподвижности, то ли из-за пресловутого духа Сочельника на меня напало какое-то странное настроение, пока я стоял в этой траншее с двумя своими товарищами. Мысли бродили где-то далеко. Но вдруг мои размышления были прерваны хриплым, гортанным окликом из траншеи русских, с другой стороны насыпи.

– Эй, камрад, ты чего такой серьезный? Опять получили капустный суп на ужин?

Говорили медленно, на ужасном ломаном немецком с монгольским акцентом, но тон был доброжелательным. В эту спокойную ясную ночь русских было слышно так же хорошо, как если бы они сидели с нами рядом, возле нашего пулемета. Один из пулеметчиков вцепился мне в руку, и мы уставились друг на друга в изумлении. В первый раз за три с половиной года войны большевик заговорил с нами через полосу ничейной территории. Эта война была настолько горькой и ожесточенной, что, в отличие от Первой мировой, солдаты враждующих армий никогда – никогда – не переговаривались в часы затишья.

Когда мы опомнились от первого шока, мы громко рассмеялись, и этот смех распространился по остальным постам нашей линии охранения, где тоже слышали слова русского солдата. О, это была прекрасная шутка: медленная речь с чудовищным акцентом и эта общая солдатская ненависть к извечному капустному супу. Наш пулеметчик выпустил короткую очередь в небо смеха ради, и через мгновение стрекот пулеметов из соседних окопов наполнил тишину над полосой нейтральной земли. Потом все стихло, и мы затаились, ожидая, что же случится дальше.

– Зачем ты стрелял, камрад? – снова спросил голос из русской траншеи.

– Если ты придешь к нам и поиграешь немного на губной гармошке, – сказал пулеметчик, – я обещаю больше не стрелять.

Мы осторожно выглянули из нашего окопа. Это могла быть хитрая уловка, чтобы заставить нас почувствовать себя в безопасности, а потом быстро атаковать. Никогда не угадаешь. Изобретательность большевиков изрядно портила нам нервы на этой войне.

В ночном небе над нами не было ни облачка, и пронзительный, холодный свет луны, отраженный мерцающим снегом, превращал ночь в день. Все часовые вокруг слышали наш диалог и теперь с интересом ожидали ответа русского солдата, внимательно вслушиваясь в тишину. С той стороны насыпи послышалось живое бормотание, но слов было не различить, однако было ясно, что наше предложение было взято на серьезное рассмотрение. Затем голоса русских стихли. Через распахнутые двери грузового вагона, сошедшего с путей и упавшего точно между нашим окопом и траншеей русских, я заметил силуэт, отлично видный на фоне белого снега: сначала голова, потом плечи – и вот уже солдата Красной Армии видно целиком. Он вместе с двумя его товарищами карабкался по насыпи со своей стороны.

Добравшись до вагона, шедший первым большевик сыграл несколько тактов на губной гармошке, начиная обещанный концерт. Русские предприняли несколько абсолютно безуспешных попыток взобраться на опрокинутый вагон. Очевидно, очень много водки плескалось тогда в их желудках, но, с другой стороны, Сочельник бывает только раз в году. На нашей стороне насыпи тоже царило хорошее настроение благодаря подаренному шнапсу, пиву и вину, присланным полевой почтой. Пьяные большевики под всеобщий смех прекратили свои безуспешные попытки взобраться на вагон и вместо этого рядом встали перед ним с нашей стороны.

Первая мелодия была тяжелой и печальной, с привычными русскими переливами. Лица русских не были видны в тени, но зато я различал швы на их теплых и мягких одеждах, зрительно увеличивающих и без того крепкие фигуры солдат. Внезапно музыка переменялась, став более веселой и живой, похожей на казачьи пляски. Наш второй пулеметчик начал подпрыгивать в такт этой музыке, чтобы разогнать кровь в замерзших ногах, но был вынужден остановиться, потому что темп музыки все ускорялся и ускорялся, и парень не поспевал за ней. На неистовом крещендо эта мелодия оборвалась.

Стоящий посередине русский попытался поклониться и растянулся на снегу во весь рост под громкий хохот часовых с обеих сторон насыпи. После нескольких попыток ему удалось вновь встать на ноги, и, мне показалось, он был немного задет этим смехом. Когда смех стих, из траншеи большевиков раздался голос четвертого солдата. Он отпустил сальную шутку насчет неких частей тела, которую понял каждый боец на нашей стороне даже без перевода, и смех снова грохнул, как залп, над насыпью, отражаясь эхом от руин за нашей спиной. Эхо сопровождало наших новогодних музыкантов до самого их окопа, пока они, поддерживая друг друга и пошатываясь, пробирались по своей стороне насыпи.

Наш командир роты, который слышал весь этот смех, стоя у дверей бункера и предаваясь размышлениям, пришел к нам по соединительной траншее, чтобы узнать, что нас так развеселило. Взволнованные этим неожиданным концертом, мы втроем, перебивая друг друга, рассказали ему о том, что только что было, и о забавной новогодней шутке большевиков. Выслушав эту удивительную историю, командир сказал, смеясь:

– Я, конечно, слышал о таком, но не думал, что это может случиться здесь, на этой войне, да еще и перед нами, войсками СС, которые каждый большевик фанатично ненавидит! Все это похоже на байки скандинавских моряков. – Он задумчиво покачал головой. – Интересно, что иваны замышляют? За этой их добротой должно быть что-то еще.

Он посмотрел в укрепленное в траншее зеркало, повернул его в одну, в другую сторону, разглядывая ничейную зону и пространство позади русских траншей, и подытожил:

– Черт возьми, парни, просто смотрите в оба и держите ушки на макушке.

Сказав это, он вернулся в свой бункер.

Болтовня через ничейную насыпь после его ухода возобновилась. Мы трепались о всякой ерунде. Разговор плавно перешел на обсуждение рождественских подарков, и стало ясно, что русские тоже получили дополнительное довольствие на Рождество, несмотря на безбожие их страны. Конечно, мы и русские стали хвастаться своими подарками друг перед другом. Когда они радостно описали содержание своих посылок, мы только снисходительно рассмеялись и выложили им полный список того, что получили сами, полностью растоптав их надежды блеснуть перед нами своими подарками. Хотя, конечно, мы значительно преувеличили качество полученных вещей. Однако эффект все равно был сокрушительным.

Большевики не желали сдаваться. Вообще, мы заметили это свойство их натуры за последние три года войны, но даже сейчас казалось, что они не отступят без попытки «контратаковать» нас. После короткого спора, не слышного нам, они снова повысили голос, хвастаясь перед нами с новой силой. Но было ясно, что они сильно приукрашивают действительность, хотя мы и не могли отрицать, что попытка ответной атаки была хороша. Пожалуй, это была боевая ничья.

Но решающее очко было разыграно чуть позже, и оно оказалось весьма неожиданным. «Оружием победы» в этом споре стала пара ночных туфель, которые прислала одному из часовых пожилая дама из Вестфалии. Пожалуй, это была единственная польза, которую эти тапочки принесли нам в Курляндии. Постовой с радостью рассказал большевикам о том, какой прекрасный подарок он получил на Рождество, и все изумление наших собеседников проявилось в одном только вопросе:

– А... что такое «ночные туфли»?

Один из наших товарищей, который понимал по-русски чуть больше остальных, попытался объяснить им.

– Ну, тапки, тапочки! – закричал он и попытался описать, что же это все-таки такое, но даже после его объяснений русские по-прежнему были поражены. Они никогда до этого не видели ночных туфель, бедняги! Никогда у них не будет ни денег, ни возможности купить себе пару тапок в Советском раю для рабочих и крестьян, даже если они когда-нибудь вернутся домой и их ноги уцелеют в этой войне.

О, это была полная победа с нашей стороны. Можно было даже сказать, что уж в этом споре русские были полностью уничтожены, потому что они казались онемевшими от удивления. Представляете, что чувствовала потом эта милая дама из Вестфалии, читая наши письма, в которых мы подробнейшим образом описали, какую моральную поддержку оказали нам ее тапочки в разгроме русских.

Эти большевики совсем не умели проигрывать. От одного поражения они растеряли весь боевой азарт, и разговор стал более дерзким, почти непристойным. Например, они попросили дать им адреса берлинских девушек, которых, по их словам, они смогут навестить во время победного марша по Германии, и пообещали нам «теплый прием» в Сибири, куда ссылали военнопленных. Однако последней каплей в чаше нашего терпения стал выкрик одного из русских:

– Гитлер скоро карут!

– Эй! – не выдержал один из пулеметчиков в нашем окопе. – Пошли-ка этому грузинскому бандиту, торчащему сейчас в вашем Кремле, новогоднюю открытку и не забудь написать, что скоро мы продвинемся на восток и наши «Тигры» заставят его заткнуться! – прокричал он в ответ.

Это напоминание о «Тигре», новейшей 69-тонной модели танка, которую ни русское, ни американское, ни британское оружие не могло даже поцарапать, кажется, возымело свой эффект, потому что большевики прекратили свои шутки. Разговор снова перешел на относительно нейтральные темы.

Потом они предложили обменяться рождественскими подарками. Им особенно хотелось, чтобы этими подарками были сигареты и табак. Но, нет, мы уже успели со всем отвращением познакомиться с их *махоркой* (разновидность трубочного табака), ужасной коричневой дрянью, которую, наверное, можно курить, только когда заканчивается вообще все, даже собранный в лесу и высушенный мох... Нет, это не то, чего нам хотелось!

– Отличные папиросы, – предложил один из голосов с другой стороны насыпи. – Хороший сорт «Авиатик».

«Авиатик», как мы знали, – это была одна из самых лучших марок сигарет у русских.

– Хорошо, – сказал один из наших солдат, который уже пытался выменять упаковку своего пересушенного табака на нормальный у своих. – Вы получите пачку хорошего немецкого табака за четыре пачки вашего «Авиатика».

В любом случае даже его дурной табак был во много раз лучше *махорки*, так что это был справедливый обмен.

Они оба выбрались из окопов и приблизились друг к другу. Это была странная встреча Запада с Востоком: высокий эсэсовец в белом маскировочном костюме, словно бросающий вызов смерти своей полубеспечной и, может быть, излишне самоуверенной походкой. «Идущие на смерть приветствуют тебя», – как бы говорил он. И крепкий русский боец, похожий на эскимоса в подбитой ватой форме, идущий, будто катясь по снегу. Едва они подошли ближе друг к другу, между ними просвистела пуля – выстрелил кто-то с дальних постов, кто не знал, что происходит здесь, между нами, но увидел идущие друг к другу фигуры. Они отскочили друг от друга, как мячики, и огромными шагами понеслись под прикрытие своих окопов, потому что с разных сторон замелькали вспышки.

– Ну что, в штаны наложил? – прокричал кто-то поспешно вернувшемуся посыльному, злому и смущенному от страха, который пробормотал в ответ что-то неразборчивое, но, разумеется, непристойное.

Пока мы тут общались с нашим смертельным врагом на вполне мирном уровне, об этом разговоре успели донести в штаб дивизии, и, подозревая здесь какой-то подвох, командир дивизии отдал приказ нацелить на наш участок насыпи все возможные орудия, готовые к залпу в любую секунду. Но все оставалось спокойным, и вскоре наступила тишина. Приблизился

рассвет, и скоро большевикам нужно будет отступить с передовых позиций, если они не хотят оказаться похороненными в промерзшей Курляндской земле.

Глава 2

Финал в Курляндии

Еще несколько дней наша рота оставалась на каменистых холмах Бункаса – крошечной точки на карте. За это время решительно ничего не случилось. Пулеметные гнезда, которые иваны устроили в неприятной близости от нас накануне Сочельника, были превращены в развалины нашими минометами.

2 января из штаба дивизии пришел приказ захватить пленного в нашем секторе. Дело в том, что целая русская армия исчезла с линии фронта южнее нас, буквально растворилась в воздухе. Поэтому командование опасалось, что эта армия переброшена на наш фронт и в скором времени следует ожидать крупного наступления. Поэтому требовался «язык», чтобы прояснить ситуацию.

Разведывательная группа в составе восьми человек из моей роты отправилась в путь. Ее целью было пулеметное гнездо русских, укрытое под группой деревьев примерно в 100 метрах от наших траншей. Перед этим восемь моих добрых старых 80-мм минометов открыли огонь, чтобы изолировать цель с флангов и тыла. Потом к нам присоединились тяжелые пехотные пушки, и русский пулеметный расчет оказался практически отрезан от своих. На рассвете наши разведчики вернулись.

Пока минометы и пушки прижимали русских к земле, наш патруль быстро двигался вперед. Все сработало отлично, кроме последнего броска. Когда до русских оставалось всего несколько метров, стало ясно, что местность плотно заминирована. Одна за другой мины взлетали в воздух. Русские получили предупреждение и пустились наутек. Один из наших солдат успел схватить русского за ногу, но в тот же момент наступил на мину. Один человек погиб, а остальные семеро вернулись ни с чем, зато все получили ранения разной тяжести.

Ночью соседняя рота также попыталась решить эту задачу. Их группе повезло больше, и она захватила русского. Но по пути обратно к нашим траншеям пленник сумел подобрать нож, улучил момент, когда за ним не следили, и перерезал себе горло. Он умер, не издав ни звука. Два эсэсовца, карауливших его, с головы до ног были перепачканы кровью.

Через два дня нас сменили, и мы покинули Бункас, настоящую смертельную ловушку. Деревня лежала на открытой местности без всякой связи с тылом, кроме как под покровом ночной темноты. Нам повезло выбраться оттуда, прежде чем иваны закончили копить силы для большого наступления на этом участке, о чем мы узнали позднее. Тем, кто нас сменил, буквально через несколько дней пришлось лицом к лицу встретить шторм, и вряд ли хоть кто-то из них остался в живых.

5 января стало днем отдыха. Никаких караулов в замороженных каменистых траншеях и лисьих норах, где вы могли ощутить, как холод медленно, сантиметр за сантиметром, ползет вверх по вашим ногам. Никаких обстрелов, никаких коварных снайперов, ни внезапных атак истребителей-бомбардировщиков. Ты снова можешь нормально вымыться, побриться и поваляться в тишине и покое и сигаретой в отмытых пальцах. Нервное напряжение и ощущение постоянной опасности линии фронта исчезли. Чертовски приятно было снять пропотевшую форму и надеть свежее белье. Мы занялись чисткой оружия, а потом отправились во фронтовой кинотеатр. Грохот орудий долетал издалека неясным бормотанием. Но во второй половине дня русская артиллерия открыла огонь из всех стволов, сыграв зловещую увертюру перед предстоящим наступлением.

В прекрасно протопленном кинозале на чистом белом экране показали последний выпуск новостей с сообщениями о событиях на других фронтах. Мы видели аккуратно одетых, чистых и сытых людей в уютных залах с коврами и креслами, сияющими лампами, кни-

гами и музыкой. Они ели прекрасную еду из фарфоровых тарелок, а еще серебряные вилки, накрахмаленные скатерти... месяц за месяцем мы лежали под открытым небом в грязи и снегу, смерть уносила наших товарищей, и все время мы видели людей только в фельдграу. Небритые, грязные и уставшие, мы доходили буквально до последнего предела.

Проспав всю ночь, не слыша грохота канонады, рота на следующий день отправилась на фронт для решения очередной задачи. Короткий отдых помог нам восстановиться, и после прибытия в сектор Приекуле, который находился в 40 километрах восточнее порта Либава, мы начали обустраиваться, как могли. Мне указали позицию для моего взвода на обратном склоне холма. Кроме наших 80-мм минометов у нас было около 30 реактивных минометов «Вурфрамен 40», прозванных «Ходячими штуками» в память о знаменитом пикировщике. Это было новое оружие, состоявшее из простой деревянной рамы со снарядом калибра 280 мм и весом 82 килограмма.

В первые несколько дней в Приекуле все было тихо, но однажды утром разверзся ад. Совершенно неожиданно «Сталинские органы» начали свой беспощадный обстрел. Он продолжался несколько дней с короткими перерывами, когда русская пехота пыталась прорваться в нашем секторе. Позиции наших минометов стали чуть ли не первой целью огненного шторма. Снаряды «Сталинских органов» ложились все ближе и ближе, с интервалом в несколько метров, причем сыпались они плотно и часто. Когда к обстрелу подключилась артиллерия, лежать, прижимаясь к земле, стало почти невозможно. Земля вокруг нас содрогалась, стены блиндажей стонали и трескали при попаданиях, замерзшая грязь влетала в каждую щель.

После полудня огненный шторм забушевал с чудовищной силой, стало понятно, что главной целью русских стала рота слева от нас. В разгар вражеского обстрела пришел приказ открыть ответный огонь из минометов. Единственное, что нам оставалось, – вдохнуть поглубже и броситься в этот ад. Местность вокруг нас переменилась до неузнаваемости. Все мелкие холмики и лощинки, существовавшие до обстрела, исчезли, артиллерия иванов перекопала все вокруг. Снарядные воронки лежали тесно, как дырочки в швейцарском сыре. Похоже, один из минометов получил прямое попадание в ствол, потому что валялся, словно ободранная банановая шкурка. Остальные минометы уцелели, у нас даже осталось около 150 мин. Они лежали наготове, и мы собирались отправить иванам неприятное послание.

То, что произошло далее, стало для меня одним из самых памятных моментов войны. Я гадал: а вдруг противник прекратит обстрел, и мы сумеем тихо и мирно добраться до наших минометов и открыть ответный огонь. Однако огонь русских не собирался ослабевать. Каждую минуту нам приходилось прыгать в ближайшую воронку, чтобы не быть разорванными на куски очередным снарядом. Однако все это время мы должны были стрелять, внося поправки по указаниям артиллерийского наблюдателя, который находился где-то впереди нас и передавал указания по телефону. Я сам вместе с Эрихом Линденау побежал с автомобильным аккумулятором в руках к «Ходячим штукам» – там выстрел производился с помощью электричества.

Вот таким образом мы провели всю вторую половину дня, несколько часов подряд. Запасы мин закончились, но нам доставляли все новые и новые ящики, несмотря на обстрел. Мы метались от миномета к миномету с мокрыми одеялами в руках, чтобы хоть немного остудить раскалившиеся от стрельбы стволы. Наши мины производили страшное опустошение в рядах наступающих русских. Они падали не более чем в метре от точки прицеливания благодаря умелой работе корректировщиков.

В течение десяти дней и ночей продолжалась эта бойня в Приекуле. Только на рассвете да иногда после обеда наступала небольшая пауза, когда желто-коричневые русские солдаты выползали из своих укрытий и рассыпались в цепь перед нашими траншеями. Тогда тяжелое оружие замолкало и внезапно наступала почти полная тишина. Но эта тишина длилась совсем недолго, потому что в следующую минуту первые крики «Ура!» атакующих большевиков заглу-

шались смертоносным заградительным огнем наших минометов, треском пулеметов «MG-42» и автоматов в месте атаки. Волна за волной русские мчались вперед, но их разрывало на куски, потом волна откатывалась назад и исчезала. Наши позиции держались!

В последние несколько дней мы видели, как политические комиссары – *политруки* – бежали за атакующими цепями пехоты. После нескольких дней напрасных атак с тяжелыми потерями русские начинали паниковать, как только оказывались на открытом месте. Едва атакующие ударялись в панику или пытались отойти, комиссары безжалостно расстреливали собственных солдат.

Около 20 января наша дивизия была выведена из пекла в Приекуле. Это было сделано по приказу командира III танкового корпуса СС обергруппенфюрера Штайнера, бывшего командира дивизии СС «Викинг». Он отправил нас из Либавы по морю в Штеттин. По каким соображениям он расстался со своей старой закаленной дивизией – неизвестно. Были это военные соображения или просто сентиментальность, никто не скажет. Но этот перевод спас жизни многим солдатам дивизии «Нордланд».

22 января Штеттин представлял собой печальное зрелище. Центр города был разбомблен вдребезги и почти сгорел после атак американских и британских самолетов. Кучи переломанного домашнего имущества, кирпичей и мусора валялись на улицах вдоль почерневших фасадов домов. Между ними слонялись бледные, смертельно уставшие люди в лохмотьях – сказывалось пятилетнее рационирование одежды. Однако они не прекращали свои обычные ежедневные дела, показывая мрачную решимость и нестигаемое упорство.

Мы проехали через город без остановок. Далее мы двинулись на северо-восток, нашей целью было Фрайхейде, маленькое местечко в 8 километрах севернее города Массов в Померании, центр цветущего крестьянского района. Там мы провели две чудесные мирные недели. Разумеется, утром и вечером мы устраивали учения по рукопашному бою и стрельбы. Это совершенно необходимо, даже если фронтовики и выведены в тыл на отдых.

Однако по вечерам мы были свободны, местные жители приветствовали нас с распростертыми объятиями. Фермеры, большинство из которых принадлежало к поколению, сражавшемуся на фронтах Первой мировой войны, не знали, что бы еще сделать, чтобы наше пребывание здесь стало еще более приятным. Почти каждый вечер в сарае устраивались танцы, играли либо местный оркестр, либо несколько солдат на аккордеонах. Эсэсовцы танцевали с дочерьми фермеров, которые были здоровыми и красивыми девушками.

Если в этот день не было танцев, командир нашей роты мог пригласить жителей на «товарищеский вечер» в распоряжение. По правде сказать, ничего такого особенного мы показать им не могли, но среди нас еще был «старик» Рагнар Йоханссон. Это был очень сильный швед, которого опасалась вся рота. Под влиянием каких-то таинственных флюидов он принимался искать каких-то мусульман (так мы называли этнических немцев из Румынии) с диким блеском в глазах. Почему-то он их на дух не переносил. Вероятно, Рагнар был самым сильным человеком в дивизии, по вечерам он устраивал небольшие представления, ломая подковы, забивая гвозди в доски голой рукой. Иногда пара человек кувалдами раскалывала валун у него на груди. Однажды в бою он пробежал два километра, хотя у него в спине торчал большой осколок. Русские гнались за ним по пятам, а обнаженный торс Рагнара был весь залит кровью.

В свободное время мы знакомились с жизнью и культурой крестьян, которые очень напоминали наших, шведских. Наверняка наш мир современных фронтовиков сильно отличался от их. Хотя мы были закаленными солдатами и вся наша жизнь ограничивалась сегодняшним днем, мы чувствовали глубокое уважение к их многовековым семейным традициям. Мы уважали их неторопливую, но уверенную походку, с которой они двигались по жизни. Их идеалы и религиозные верования уходили своими корнями в далекое прошлое и находили отражение в одежде, посуде, домашней утвари, характерных для нордической культуры, причем все это было самых изысканных форм.

Пока мы отдыхали в этом мирном крестьянском районе Померании, война постепенно превращалась в бескрайнее пекло. Немецкое наступление в Арденнах, которое вначале выглядело таким обещающим, застопорилось, затем началось контрнаступление огромных англо-американских армий. В то же самое время «Красный потоп» хлынул через Вислу, на оборону которой немцы возлагали огромные надежды. Совершенно неожиданно мы снова оказались в районе боев.

Глава 3

Массов

Во второй неделе февраля мы снова столкнулись лицом к лицу с большевиками. Когда фронт на Висле рухнул по всему своему протяжению, стратегическая ситуация резко изменилась. Огромное количество тяжелого вооружения и боеприпасов было потеряно, например множество артиллерийских орудий. При этом стало еще труднее получать пополнения из Германии, так как непрерывные бомбардировки почти полностью парализовали коммуникации. Красная Армия могла бросать в бой новые артиллерийские корпуса, неисчислимое множество танков фактически непрерывно. Особенно опасным был новый танк «Иосиф Сталин» с огромной 122-мм пушкой.

Я помню один конкретный случай, когда нам для огневой поддержки придали батарею 105-мм гаубиц, но я мог невооруженным глазом рассмотреть по ту сторону линии фронта более 200 артиллерийских орудий. Большевики даже не пытались маскировать их, так как наша авиация была связана борьбой с бомбардировщиками на западе Германии. Это подавляющее превосходство в артиллерии, танках и авиации позволяло бросать в бой огромные толпы пехоты. Красная Армия состояла из русских, калмыков, киргизов, туркмен и так далее. Мы встречали их «панцерфаустами», минометами и пулеметами, но лишь изредка – штурмовыми орудиями или «Королевскими тиграми». Это походило на попытку отразить нападение автоматчиков с помощью пращи и камней, но мы держались!

Это произошло чуть восточнее Массова. Линия фронта шла по опушке леса. Я получил приказ занять передовую позицию с семью солдатами. Из неглубокой впадины в поле мы должны были остановить атаки русской пехоты двумя пулеметами «MG-42». Едва мы добрались до места, мне пришлось со своими солдатами выдвигаться вперед, прихватив пулеметы. Под проливным дождем, в непроглядной темноте мы двинулись к трем окопчикам. Я занял средний вместе с Гебауэром, сыном немца-фермера из Румынии. Мы установили пулемет и стали ждать, надеясь, что после рассвета мы будем хоть как-то укрыты. Второй пулемет с расчетом из трех человек стоял слева, а остальные трое заползли в правый окоп, имея при себе штурмовые винтовки и пистолеты-пулеметы.

В случае атаки шансов удержать эту позицию не было никаких! У нас даже не было траншеи, ведущей в тыл, чтобы удрать в случае чего. Только ночью можно было ползком выбраться в «безопасность». Мы могли только надеяться, что красные будут вести себя спокойно. Они и были спокойны, но лишь до утра. Концерт начала русская артиллерия. Пока она обстреливала нас несколько часов подряд, наращивая интенсивность огня, мы, словно маленькие мышки, сидели по норкам. Но потом до нас дошло, что это не обычный артиллерийский обстрел. Смерч осколков гулял взад и вперед по нашему сектору, насколько мы могли слышать. Поэтому нам оставалось лишь гадать, что же последует. Разрывы перекопали все вокруг. Когда сгустилась темнота, вспышки залпов освещали горизонт, словно прожектора небо над городом во время ночного налета. Мы прятались, как только могли, чтобы пережить этот кошмар. Погода переменялась, дождь перешел в мелкую морось, а потом мелкие капли постепенно превратились в туман. Грязная почва вокруг наших убежищ превратилась в липкую массу наподобие картофельного пюре, которая прилипала к сапогам, покрывала оружие и вызывала настоящее омерзение. Через пару часов мы все оказались промокшими насквозь. Одежда, тяжелая даже в нормальном состоянии, поглотила столько воды, что казалась сделанной из свинца. Грязь на сапогах противно чавкала. К счастью, большинство осколков летело поверху, потому что часть, занимавшая позиции до нас, отрыла окопы на совесть и хорошо их замаскировала. Лишь

случайные снаряды рвались неподалеку. Основной удар пришелся по главной линии обороны позади нас, именно на нее обрушился шквал огня и стали.

Три дня и три ночи пришлось нам лежать в этих богом забытых дырах и ждать, ждать, ждать... Снова полил дождь. Нам не доставляли никакого продовольствия, связь с тылом была потеряна, пока между нами и позициями роты бушевал огонь. В утренних сумерках четвертого дня дежурить выпало Гебауэру. Все остальные лежали в грязи и дремали вполглаза, голодные и уставшие до предела. Внезапно Гебауэр затряс меня:

– Они идут!

Я быстро глянул вперед сквозь маскировочную завесу. Там, всего в 30 метрах, появилась толпа большевиков, которая неслась на нас, времени на панику у нас просто не оставалось! Они явно пытались как можно скорее добраться до позиций нашей роты. Несмотря на утреннюю дымку, я смог различить вторую волну пехоты, которая появилась из мглы примерно в 50 метрах позади первой. Я схватил готовый к стрельбе пулемет и выпустил буквально всю ленту. Моя стрельба и вопли раненых разбудили остальных парней, и наши стволы обрушили огонь и смерть на коричневые толпы.

Наша бешеная стрельба вскоре вызвала ответный огонь уцелевших атакующих, которые попадали на землю и начали стрелять. Я быстро глянул налево и заметил большевика, который спускался в низину, чтобы обойти нас с тыла. Однако он тоже заметил меня и моментально исчез. Но тут же появился снова! Русский дал по мне очередь из своего автомата. Раскаленный свинец засвистел рядом с моей головой. Завязалась настоящая дуэль! Нас разделяло не более 20 метров. Я поднял штурмовую винтовку и стал ждать противника. Гебауэру пришлось стрелять из пулемета одному. Мы с русским стреляли друг в друга: поднял голову, выстрелил, спрятался, поднял голову, выстрелил, спрятался. Роттенфюрер Мартин, лежавший за вторым пулеметом моей группы, мог бы дотронуться до русского, если бы посмотрел в нужную сторону, однако он не видел нашей дуэли. Наконец русский совершил ошибку. Либо ему все надоело, либо он захотел стрелять чуть быстрее, однако он оставил свой автомат наверху, и я его видел, хотя сам он спрятался до следующего выстрела. Но я стал ждать его, держа палец на курке. Вот! Его голова появилась позади приклада автомата, но прежде чем он успел среагировать, получил пулю прямо между глаз. Голову русского отбросило назад, затем она исчезла, а дрогнувшая рука выпустила оружие.

Взбешенные русские бросились на неожиданное препятствие, которым стала наша позиция. Положение стало безнадежным, однако парни отважно сражались. Кольцо вокруг нас стягивалось все туже. В горячке боя один из парней в правом окопе встал во весь рост с автоматом в руках. Он дал длинную очередь и уложил около десятка врагов, что позволило нам вздохнуть спокойнее, но тут же сам рухнул на землю, получив пулю в живот. Давление немного ослабло, но вскоре был убит еще один из моих солдат. Мы больше не могли держаться, хотя вокруг наших окопов валялись груды вражеских трупов. Я выпустил красную сигнальную ракету: «Враг атакует!» Но ответа не последовало. Похоже, ливень русских снарядов, летевший над нашими головами, не позволял роте даже пошевелиться. Или они просто спали, в то время как мы отчаянно сражались за свою жизнь? Еще одна красная ракета. И снова никакой реакции. Я буквально вскипел от ярости на своих товарищей сзади и даже завопил что-то. Пока я помогал Гебауэру зарядить в пулемет новую ленту, то непрерывно ругался, призывая на их головы всевозможные несчастья и адские муки.

Затем я оставил Гебауэра управляться с пулеметом, а сам попеременно стрелял из штурмовой винтовки и автомата. Он совершенно забыл об опасности, поднявшись над бруствером по пояс, чтобы лучше целиться.

– Вниз! – закричал я, пытаясь перекрыть шум боя. Он ответил беспечным смехом, ведь ему было всего 19 лет... и продолжал посылать в атакующих смертоносные струи свинца.

Новая волна русских покатила на нас, чтобы смять, уничтожить. На открытом пространстве они были совершенно беззащитны. Гебауэр приподнял голову, чтобы лучше видеть.

– Пригнись! – завопил я. Но слишком поздно! Внезапно Гебауэр качнулся назад и завалился набок. Я повернул его лицом к себе. Пуля попала ему под левый глаз и прошла сквозь шею. Он был еще жив, кровь текла вниз по щеке и шее. Гебауэр жалобно попросил:

– Напиши моей матери... – Его тело обмякло, руки беспомощно опустились. – Всего несколько строк... – И после этого я остался один, совершенно один, такой крошечный в своей норке. Тут я понял, что начинаю паниковать. «Спокойствие, только спокойствие. Ничего серьезного...» – уговаривал я себя, но тело продолжало трястись.

Мартин теперь тоже остался один. Я позвал его, приказав забрать оружие, так как собрался уходить. Он примчался дикими прыжками. В правом окопе также уцелел один из парней, но все остальные лежали, получив пули в голову. А ведь я предупреждал их, чтобы не высывались, хотя тот же Мартин в горячке боя забыл все мои предупреждения. Этого было достаточно, и буквально в следующую минуту он получил пулю в переносицу. В результате двое уцелевших забрали пулеметы («MG-42» так и остался непревзойденным по скорострельности оружием до самого конца войны) и сумели не только прижать врага к земле, но даже отогнали русских. По какой-то непонятной причине русские не обстреливали нас ни из пушек, ни из минометов. Внезапно мы слышали крики «Ура!» позади себя. Они прорвались!

– Хватай пулемет и бежим! – крикнул я своему товарищу.

Я поднял свой пулемет, повесил на шею несколько лент и, придерживая патронташ, помчался прочь. По открытому полю пришлось бежать зигзагом, но мы довольно быстро добрались до спасительной опушки леса. Мой товарищ следовал за мной, держась в нескольких шагах позади. Я быстро оглянулся и заметил, как он схватился за плечо, а потом упал ничком. Прячась за деревьями, я оглянулся еще раз и увидел, как он, лежа, слабо помахал мне. Слишком поздно, сделать уже ничего было нельзя, так как русские были совсем рядом! Четверо русских бежали ко мне, пытаясь на бегу целиться из автоматов. Я бросил свой пулемет, все боеприпасы и припустил во всю мочь, вокруг свистели пули, с неприятным чмоканьем впиваясь в землю у меня под ногами. Теоретически я был уже мертвым унтершарфюрером, но солдату все-таки должно повезти когда-то! Так случилось и со мной в этот день. Я бросился в гущу деревьев и совершенно неожиданно для себя очутился среди солдат своей роты – но теперь их осталась жалкая горстка... хотя наш шведский командир невозмутимо курил сигарету. Он оглядел меня с ног до головы.

– Не так уж плохо. Могло быть гораздо хуже.

Это спокойствие заставило меня смутиться. Я стоял перед ним, судорожно переводя дыхание, сердце едва не выскакивало из груди, дрожащий и вспотевший после ужасных переживаний. Много позднее я понял, что его спокойствие было напускным, так как лишь это позволяло избежать паники в роте, которая за последние несколько часов потеряла более половины состава. Среди бешеного водоворота смертей, криков, стонов, искалеченных, окровавленных тел он пытался быть невозмутимым и совершенно спокойным, что спасло жизнь нашим уцелевшим солдатам. Только такой офицер может спуститься в ад и вернуться обратно!

Ротный командир отправил пару человек, чтобы восстановить связь с соседями. Еще один солдат был отправлен в тыл, чтобы сообщить о нашем опасном положении. Обершарфюрер получил приказ контратаковать с тремя солдатами. Я стал одним из этих «счастливчиков». Хороша контратака! Четыре человека против роты противника, а то и больше! Причем все четверо смертельно устали, физически и морально, пережив все то ужасное, что случилось за последние четыре часа. Атака не имела никакого смысла и могла завершиться только нашей смертью, но дисциплина и чувство долга погнали нас вперед.

Смерть окружала нас со всех сторон, подталкивала нас и даже, кажется, дала нам крылья. С диким ревом «Ур-ра!» мы бросились вперед сквозь кусты и открыли беспорядочный огонь

по коричневым фигурам, мелькавшим повсюду. Русские попытались остановить нашу стремительную атаку. Внезапно передо мной возник большевик, до него оставалось не более четырех метров, его лицо напомнило мне гипсовую маску. Я успел дать короткую очередь, прежде чем он нажал на спуск. Русский упал, издав хриплый стон, а я помчался дальше. В считанные минуты мы снова заняли лесистый участок, но это время для меня превратилось в бесконечность, вместившую в себя всю мою жизнь. Мы добежали до опушки и оказались в траншеях, которые раньше занимала наша рота, но продолжали бешено стрелять по толпе удирающих русских пехотинцев, которые пытались добраться до небольшой гряды, обещавшей хоть какую-то защиту. Двое отставших перепрыгнули через нас и даже успели сделать несколько шагов, прежде чем упали с изрешеченными спинами. Все поле было покрыто трупами вражеских солдат. И мы все четверо остались живы! Но мое сердце грохотало, готовое разорваться в любой миг. Мы устали сверх всякого предела, и теперь усталость догнала нас.

Постепенно остатки роты собрались в отбитой траншее. Командир приказал мне вернуться в смертельную ловушку – ту самую проклятую дыру, где я уже потерял семерых парней. Но теперь одному с пулеметом, туда, где лежали трупы эсэсовцев и врагов! Никогда еще я не чувствовал себя таким жалким и несчастным. Я был готов отшвырнуть пулемет и бежать куда глаза глядят, но проклятое чувство долга опять оказалось сильнее. Оно держало меня мертвой хваткой. Я услышал рядом тихий стон. Осторожно оглянувшись, я увидел, что стонет один из наших парней. Я забросил его себе на спину и медленно пополз к нашей траншее с этой тяжелой ношей. О том, что русские вполне могут нас заметить, я старался не думать, и мы таки сделали это! Тот же самый обершарфюрер, который возглавлял нашу «контратаку», увидел нас и пополз на помощь мне. Оказавшись в безопасности, мы уложили раненого на носилки и понесли в тыл. Там мы нашли большой амбар, где пол был завален мертвыми, умирающими и тяжелоранеными, лежавшими вплотную друг к другу. Мы поспешили прочь из этого места стонов, криков и предсмертных конвульсий – назад в мой одинокий окопчик! Но я заметил какое-то смутное движение в кустах на два часа. Посмотрел туда в бинокль и обнаружил русских! Сразу доложил об этом командиру. Так как я успел спуститься в свой пулеметный окоп, первые 105-мм снаряды просвистели у меня над головой и накрыли русских, сорвав намечавшуюся атаку еще до того, как она началась.

Сумерки опустились на изуродованное поле боя. Вскоре совсем стемнело. Стало холодно, и мои зубы невольно застучали, но я сидел у своего пулемета в пугающем мраке. Картины прошлого проносились в моем воспаленном воображении, изуродованные тела мертвых товарищей, бледное лицо умирающего Гебауэра. Но в то же самое время я отчетливо слышал, как шумно движутся русские ночные дозоры. Всю ночь они бродили поблизости, что-то разнюхивая и о чем-то переговариваясь громким шепотом.

Ближе к рассвету пришла смена. Рота немецкой армейской дивизии заняла наши позиции. Мы двинулись к своим автомобилям, чтобы отправиться на отдых – жалкие остатки того, что всего пару дней назад было полностью укомплектованной и прекрасно оснащенной ротой панцер-гренадеров СС.

Целую неделю после боя у Массова мои руки тряслись так сильно, что я даже не мог зажечь сигарету. А что случилось с ротой, которая сменила нас? Через несколько дней от нее не осталось ни одного человека!

Несколько благословенных дней мы отдыхали от боев, проверяли свое оружие и технику, полугусеничные транспортеры, пулеметы и писали письма. Вскоре в эту плодородную часть Померании должна была прийти весна. Каждый день в голубом небе ярко сияло солнце. Свежая зеленая трава уже начала пробиваться наружу. Здесь и там виднелись цветастые пятна анемонов и других цветов, ласточки металась вверх и вниз с радостными весенними песнями. Так чудесно было валяться на спине на молодой травке, закрыв глаза, и подставлять лицо солнышку, размышляя о чем угодно, кроме войны. Тепло уже давно растопило лед на прудах

и маленьких озерцах, поэтому мы уже в конце февраля могли принимать ежедневные ванны в небольшом озере поблизости. Наши израненные и измученные тела снова стали сильными и налились энергией.

Однако волна с востока поднималась все выше и выше, она неотвратимо надвигалась. Ее мчали вперед десятки тысяч американских грузовиков, русские солдаты получали миллионы тонн американских продуктов. Она уже сокрушила передовой бастион западной цивилизации, воздвигнутый против угрозы с востока, уничтожила первые памятники культуры. Плоды трудов германских и нордических колонистов, созданные тысячелетиями упорного труда, после жестокой борьбы были растоптаны дикими азиатскими ордами, сеявшими опустошение.

Но мы все еще верили! Будет ли наша часть мира превращена в руины только потому, что временно ослепли несколько сильных? Всей своей ненавистью, всей своей мощью они помогали сокрушить барьер, который преграждал путь потоку варварства и звериной дикости, который в безумном гневе бился о нашу защитную стену. Мы видели множество проявлений юношеской смелости, энтузиазма и духа самопожертвования среди наших солдат, а потому не могли поверить в мрачное предсказание Освальда Шпенглера о падении западной цивилизации.

Единственным, что нарушало наш безмятежный отдых, были налеты американских и русских истребителей, которые неожиданно возникали в небе и пикировали, обстреливая дороги. Их пулеметы превращали всех, кто там двигался, в окровавленные клочья. Но ведь они атаковали не только солдат, но и фермеров в полях, их жен и детей, даже маленьких детей, идущих в школы. Это приводило нас в бешенство.

Вскоре мы смогли слышать глухой гул, долетавший с востока. Раскаты постепенно приближались. Нам не было нужды идти на фронт, он сам пришел к нам! Местные жители начали укладывать ценные и самые важные пожитки на телеги и повозки, чтобы попытаться бежать от нового монгольского нашествия. Женщины плакали и заламывали руки, старые фермеры с печальным достоинством смотрели на них и лишь поджимали губы.

Ближе к вечеру мимо нас начали проезжать машины с ранеными. Обычно по вечерам мы спускались к дороге, чтобы выкурить сигарету на ночь, поболтать с местными, а может, и встретиться с девушкой. Но в этот вечер мы остались в лагере. Никто из нас не хотел видеть раненых и искалеченных солдат, их пропитанные кровью повязки, разорванные в клочья мундиры, искаженные болью лица. Зачем в последние часы покоя видеть напоминания о печальной судьбе, которая вскоре может ждать каждого из нас?

Мы прекрасно понимали, что вскоре нам предстоит отправиться на фронт, где нас ждет неизвестность. Там, где мы отдыхали, фронт казался не таким уж и плохим. Лихорадочное напряжение и постоянная смертельная опасность в траншеях смывали благодушное настроение. И самыми плохими были последние мучительные часы перед боем.

Отдаленные раскаты гремели всю ночь, и я не мог уснуть до самого рассвета и лежал, прислушиваясь. Мы лежали, курили, болтали шепотом о пустяках, пытаясь думать о чем угодно, кроме того, что нас ждало. Других, кому посчастливилось уснуть, мучили ужасные ночные кошмары, они стонали и вертелись во сне.

Глава 4

Фоссберг

Утром во взвод поступил приказ командира роты приготовиться к маршу. На коротком инструктаже нам обрисовали ситуацию, а потом мы двинулись. На обочинах шоссе мы столкнулись с гражданскими беженцами, которые катили тележки с домашними вещами. Они выглядели так, словно шли без отдыха всю ночь. Их одежду покрывала желто-серая пыль, они печально смотрели на нас красными воспаленными глазами. Однако они все еще приветливо махали нам, когда мы проезжали мимо на своих бронетранспортерах. Мы двигались очень медленно, потому что количество беженцев стремительно росло.

Через несколько километров мы столкнулись с колонной медицинских машин вермахта, которые везли около сотни стариков, женщин и детей. Незадолго до этого несколько американских истребителей устроили настоящее побоище. В канаве рядом с машиной сидела молодая женщина, держа на руках окровавленное тряпье. Кровь текла у нее по лицу из раны на лбу, заливая глаза. Она качала безжизненный сверток, постанывая, и монотонно повторяла: «Мой ребенок, мой ребенок!»

Колонна остановилась. Три мертвые лошади и перевернутые телеги преграждали путь, нам пришлось сбросить их с дороги. Стоны раненых и искалеченных беженцев резали слух. Мы пришли в ярость, когда увидели, какие зверства творит противник, пользуясь их беззащитностью.

Затем марш продолжился. Ужасная картина разом прекратила всю болтовню и мрачные шутки, столь обычные у нас перед боем. Колонна повернула на северо-восток, теперь мы, судя по всему, двигались вдоль линии фронта, так как выстрелы не становились ближе. Собрался весь разведывательный батальон. Длинной колонной мы катили дальше, держа большую дистанцию между машинами. Бомбардировщики и истребители нас не беспокоили. Затем последовала небольшая остановка, и движение продолжилось. Близился вечер, и похоже, сегодня боя ждать не следовало.

Колонна повернула на Померанскую равнину, проезжая мимо ухоженных ферм, прелестных сельских домиков, над которыми витал дух многовековых традиций. Мы проезжали мимо деревьев, которые росли ровными рядами, словно по линейке, и маленьких каменных церквей. Не затянута ли все это буквально на следующий день густые клубы порохового дыма? Темнело, и вечер перешел в ночь, справа от нас горизонт освещали мигающие красные вспышки. Это была линия фронта. Там были горящие дома, атаки и контратаки, моменты тишины и мучительная смерть. Грохот артиллерии медленно таял вдаль, но теперь мы были так близко от фронта, что уже могли слышать автоматные и пулеметные очереди.

Рано утром 3 марта мы прибыли в большую деревню Фоссберг. Там мы простояли довольно долго, пока командир роты ходил на инструктаж к командиру батальона и получал приказы. Деревня выглядела тихой и мирной, спокойно было и все вокруг. Винтовочные и пулеметные выстрелы слышались в нескольких километрах отсюда, но это не слишком нас беспокоило.

Мы с удовольствием вылезли из бронетранспортеров, чтобы размяться. Жители уже покинули деревню. Вместе с обершарфюрером Кунце я зашел в большой дом. Рядом с кухней находилась спальня, но на кроватях лежали только матрасы. Хотя, с другой стороны, что бы мы делали с белыми простынями и пододеяльниками? Было просто чудесно немного подремать. Мы решили, что лучше не разуваться, ведь никогда не знаешь, что случится в следующий миг... Сон пришел моментально. Я едва успел услышать громкий храп Кунце, как тут же уснул сам.

Внезапно нас разбудил ужасный грохот. Я вылетел из кровати, словно пуля, бросился в кухню, на шаг опередив Кунце. Трррааах! Наши барабанные перепонки едва не лопнули от чудовищного грохота в комнате, откуда мы только что выскочили. Мы невольно оглянулись. На том самом месте, где только что лежал Кунце, вытянувшись во весь свой рост, валялись обломки кровати, обрывки матраса, обломки комода... и осколки и хвостовик мины. Кунце криво усмехнулся и зашелся нервным смехом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.